

Ма Тяньбао со свистом втянул сквозь зубы воздух от боли, но переборол себя и выдавил:

— Пустяки, пустяки, маркиз! Юньци пришёл в себя. Но он... он плачет. Идите к нему скорее, уговорите выпить лекарство!

Ян Е встрепнулся:

— Неужели? Слава богу, я сейчас же пойду! Не беспокойся, я сам напою его снадобьем. Тоже мне, развёл сырость! С кого пример берёт? С Сяо Бая, не иначе. Неужто за брата испугался?

Он поспешил вслед за Ма Тяньбао, но вдруг осёкся, вспомнив о важном деле. Оглянувшись, Ян Е заметил Чжунли Чжэня — самого надёжного из своих телохранителей. Махнув ему рукой, маркиз подозвал воина к себе и, склонившись к самому уху, негромко приказал:

— Возьми людей и скрытно разузнай о Лин Шу. Выясни, жив он или мёртв. Каким бы ни был ответ, немедленно доложи мне.

Чжунли Чжэнь послушно кивнул и, собрав преданных людей, растворился в темноте.

Бэйчэнь Цин, превозмогая жгучую боль в израненной спине, упрямо сидел на постели. Он и впрямь тихо плакал, не сводя глаз с распластанного рядом Ян Си. Войдя в палатку, Ян Е первым делом склонился над братом. Тот всё ещё не приходил в себя, однако дышал уже ровно, глубоко и тяжело — верный знак, что кризис миновал. На сердце у маркиза полегчало.

Когда-то Ян Е только и делал, что изводил Бэйчэнь Цина своими капризами и дурачествами, но жестокая реальность заставила его повзрослеть в один миг. Присев на край лежака, он тепло приобнял юношу за плечи и мягко улыбнулся:

— Не терзайся так, Юньци. Брат поправляется, скоро уже очнётся. Ну же, давай выпьем лекарство. Ты ведь просто испугался его горечи, оттого и слёзы проливал, признайся? Вот пойду и растреплю по всему лагерю, что наш доблестный военачальник до смерти боится горьких отваров! То-то потеха будет.

Ян Е говорил ласково, мешая шутки с заботой, и перед этой нежностью Бэйчэнь Цин устоять не смог — послушно осушил чашу до дна. Затем Ян Е самолично помог сменить повязки на его спине. Даже закончив, он не спешил отпускать юношу, продолжая придерживать его за плечи:

— Юньци, главное — ты очнулся. Войско сейчас ликует после славной победы, боевой дух силён как никогда. Нельзя терять времени, нужно немедля выступать на Лоян. Что до воинских построений и тактики — без тебя нам не обойтись. Тебе даже с носилок вставать не придётся, просто отдавай приказы, а я всё исполню слово в слово. Твоё дело — переправить армию через Хуанхэ, а я уж найду способ ворваться в Лоян. Что скажешь?

Бэйчэнь Цин слабо кивнул:

— Иного пути нет.

Войско быстро перегруппировалось. Оставив надёжный гарнизон для охраны Хэнэя, основные силы под предводительством Ян Е и его соратников выдвинулись к бурным водам Хуанхэ.

Один из верных командиров нерешительно предложил оставить раненого Чжао-вана в Хэнэе, дабы тот окреп и лишь затем вернулся в строй. Ян Е не ответил. Он украдкой взглянул на Бэйчэнь Цина — тот лишь безмолвно опустил голову. Они знали друг друга с малых лет, и Ян Е без труда улавливал малейшие оттенки чувств юноши по одному лишь его молчанию. В глазах друга читалось явное нежелание расставаться с возлюбленным.

Ян Е с размаху ударил ладонью по столу:

— Оставить Чжао-вана здесь? Да если он очнётся и обнаружит, что мы ушли без него, то с ума сойдёт от тревоги! К тому же без брата рядом у меня из-под ног уйдёт земля. Только зная, что он с нами, я смогу вести эту войну дальше. Моё решение окончательно: мы его не бросим. Идём на Лоян вместе, и точка!

Всю дорогу Ян Е неусыпно оберегал покой беспамятного Ян Си и израненного Бэйчэнь Цина. Когда передовые отряды вышли к величественным берегам Хуанхэ, вернулся Чжунли Чжэнь. Подозвав маркиза, он вполголоса доложил, что прочесал все окрестности на сотню ли вокруг вплоть до самой реки, но следов Лин Шу так и не обнаружил — ни единого слуха, ни единой зацепки.

Сердце Ян Е сжалось от глухой, мучительной тревоги, но он не позволил ни единому мускулу дрогнуть на своём лице. Сдержанно кивнув, он лишь тихо произнёс:

— Понял тебя. Иди отдыхай.

Раненый Лин Шу, уходя от погони, укрылся в безлюдном овраге неподалёку от русла Хуанхэ. Плечо разрывало невыносимой, пульсирующей болью. С торчащей в теле стрелой бежать дальше было невозможно. Не в силах больше терпеть, он стиснул зубы и единым резким рывком выдрал древко из плоти. Хлынувшую кровь он судорожно зажал лоскутом изодранного платья, но сознание помутилось, и мужчина рухнул в беспамятство.

Ему повезло: в этих диких краях, разорённых войной на сотни ли вокруг, живой души было не сыскать, и его никто не потревожил. Лишь благодаря годами закалённой внутренней силе он не испустил дух от кровопотери. Когда он наконец с трудом разлепил веки, над землёй уже властвовала глухая полночь.

Издалека доносился глухой, раскатистый ропот Хуанхэ. Вслушавшись в грозный шум воды,

Лин Шу сориентировался на местности и, преодолевая слабость, поднялся. Шатаясь от истощения, он побрёл к реке. Все лодки в округе давно реквизировала армия для военных нужд. Пройдя немалое расстояние вдоль берега, он чудом наткнулся на дряхлого рыбака, у которого не оставалось иных средств к существованию, кроме старого ялика. Щедро оделив старика серебром, Лин Шу уговорил переправить его на тот берег и, собрав остатки сил, двинулся к Лояну.

Той ночью император Ян Тао был сам не свой от тревоги. Он не стал призывать в свои покои наложниц и долго не мог уснуть, бесцельно перебирая при свете свечи государственные доклады. Около полуночи в кабинет бесшумно проскользнул евнух Хэ Цинчунь и негромко доложил: заместитель судьи Верховного суда Лин Шу вернулся. Он стоит у входа в дворцовую залу, не осмеливаясь просить об аудиенции, а лишь безмолвно ждёт высочайшего соизволения.

Ян Тао на мгновение замер, а затем с раздражением швырнул свиток на стол и процедил:

— Хватило же наглости явиться назад! Что ж, пусть ждёт.

— Ваше Величество, — робко подал голос Хэ Цинчунь, — господин Лин, кажется, тяжело ранен.

Император окинул слугу испепеляющим взглядом, безмолвно приказывая закрыть рот. Евнух поспешно поклонился и попятился к выходу.

В просторном покое воцарилась удушливая тишина, прерываемая лишь сухим потрескиванием фитиля. Ян Тао больше не мог смотреть на бумаги. Тревожное предчувствие сдавило грудь, не давая вздохнуть. Пометавшись из угла в угол, он в конце концов глухо выругался и стремительным шагом вышел во двор.

Ночная мгла окутала дворец, лишь тусклые подвесные фонари отбрасывали зыбкие, дрожащие тени. Лин Шу стоял на коленях у подножия мраморных ступеней. Он больше не мог держать спину прямо, как бывало прежде, и бессильно прислонился плечом к резной каменной балюстраде.

Император молча смотрел на него сверху вниз. Когда глаза привыкли к полумраку, он наконец разглядел, в каком плачевном состоянии находится его подданный. Сердце правителя болезненно сжалось, но он заставил себя сохранить холодное молчание.

Лин Шу медленно поднял голову. Лицо его, лишённое крови, казалось безжизненной маской, в глазах застыла глухая покорность судьбе. С трудом склонившись в земном поклоне, он хрипло произнёс:

— Ваше Величество... Ваш покорный слуга не исполнил священный долг. Моя вина безмерна, я заслуживаю тысячи смертей. Дважды я совершал покушение на Чжао-вана, но сумел лишь ранить его, не нанеся смертельного удара. Ныне Хэнэй пал. Мятежники готовятся к броску на

столицу. Прошу вас, повелитель, примите меры предосторожности без промедления.

— И ты проделал этот путь лишь ради того, чтобы вывалить на меня эти вести? — с горькой усмешкой отозвался Ян Тао. — Что ж, премного благодарен за радение! Или ты думаешь, я сам не знаю, что мой дражайший брат спит и видит, как захватить трон? Жив он остался — и пусть! Твой приход лишь доказывает, что тебе мало моих мучений и ты решил подлить масла в огонь!

— Нет, я... я пришёл... — Лин Шу осёкся.

«Я пришёл проститься, ибо дни мои сочтены», — хотел было сказать он.

Но услышав яд в голосе императора, смолк. Силы стремительно покидали его, грудь вздымалась от прерывистых, хриплых вдохов. Путь от Хэнэя забрал последнее.

«Если заговорю о близкой смерти, он наверняка сочтёт это уловкой, попыткой вызвать жалость и выпросить освобождение от службы», — подумал он.

Поэтому он лишь тихо вымолвил:

— Ваше Величество, я совершил непростительную оплошность. Но мои подручные, Дун Чунь и Дун Гэ — мастера своего дела, к моему провалу они непричастны. Прошу вас, проявите великодушие, позвольте им остаться в Далисы. Иных ремёсел они не знают.

Ян Тао изумлённо вскинул брови:

— Что за погребальный тон? Можно подумать, я уже обрёл тебя на казнь. Разве я говорил, что собираюсь карать тебя?

— Благодарю за милость, государь. Тогда я вернусь к своим обязанностям, — еле слышно прошелестел Лин Шу.

Опираясь на верный меч Чжэньбин, он с трудом поднялся с колен и, пошатнувшись, медленно пошёл прочь.

Ян Тао молча провожал взглядом его колеблющуюся фигуру. Наконец, не выдержав, он тяжело вздохнул и негромко позвал:

— Да за какие грехи мне всё это... Постой, Юньмэй! Ты ранен?

Лин Шу замер на месте и, не оборачиваясь до конца, обронил через плечо:

— Царапина. Пустяки.

— Даже пустяковую рану нельзя запускать, — возразил император. — Я пришлю к тебе придворного лекаря, пусть осмотрит как следует. Расскажи лучше, каково положение у генерала Вэя?

— Плохо, — глухо отозвался Лин Шу. — Хэнэй потерян. Наша речная флотилия пока держит оборону на Хуанхэ, но Бэйчэнь Цин — искусный стратег. К тому же наши подкрепления слишком запоздали.

Ян Тао с досадой ударил кулаком по перилам:

— Запоздали! Разумеется! Я подозреваю, что Лян-ван умышленно тянет время. Они с Чжао-ваном никогда не были близки, и теперь он, похоже, решил остаться в стороне и посмотреть, чья возьмёт. Или у него есть иные замыслы... Я уже ни в чём не уверен. Ни на кого нельзя положиться!

Император ненадолго задумался, а затем продолжил:

— Сегодня на утреннем совете некоторые сановники советовали мне спешно отбыть в Цзинсян под предлогом высочайшей инспекции. Старый канцлер Ван, однако, выступил резко против. Поднялся такой невообразимый гвалт, что у меня разболелась голова, и пришлось прервать заседание. Что ты думаешь по этому поводу?

Лин Шу чувствовал, что земля уходит из-под ног. Сознание угасало, но он упрямо твердил себе: «Нельзя падать. Даже если пришёл мой час, я не умру на глазах у императора». Больше всего ему хотелось, чтобы Ян Тао поскорее отпустил его, позволив уйти и тихо испустить дух там, где никто не увидит. Но государь затеял этот бесконечный разговор. Собрав остатки воли, Лин Шу выдавил:

— Военные дела не в моём ведении, Ваше Величество... Решайте так, как велит долг. Однако... если вы уедете в Цзинсян... столицу мы отдадим врагу без боя...

Его голос звучал всё тише, слова давались с видимым трудом, но увлечённый своими мыслями Ян Тао ничего не замечал. Он продолжал рассуждать вслух:

— Вот и я о том же! Но даже если решиться на отъезд в Цзинсян — как быть с двором? Чиновники, наложницы, принцы и принцессы... Их ведь сотни! Всех с собой не увезёшь. Сплошная головная боль...

Мир перед глазами Лин Шу окончательно померк. Фигура императора расплылась, превратившись в неясное пятно, а его голос доносился словно сквозь толщу воды. Лин Шу видел лишь, как шевелятся губы правителя, но больше не различал слов. Силы иссякли

окончательно. Ноги подогнулись, и он без чувств рухнул на холодные плиты.

Увидев, как Лин Шу мешком повалился на землю, Ян Тао застыл как вкопанный. Спустя мгновение он в панике бросился вниз по ступеням, спотыкаясь на ходу, однако в нерешительности замер в паре шагов от неподвижного тела.

— Стража! — истошно закричал он. — Хэ Цинчунь! Срочно зови лекарей!

Евнух Хэ, который всё это время таился в тени галереи и краем глаза следил за разговором, немедленно отправил одного из слуг за помощью, а сам с другими прислужниками поспешил к императору.

Ян Тао дрожащей рукой указал на лежащего мужчину:

— Живее! Посмотрите, что с ним! Где лекари?!

— Уже бегут, Ваше Величество, — залепетал Хэ Цинчунь, осторожно склоняясь над Лин Шу. Лицо заместителя судьи было мертвенно-бледным, однако грудь под изодранным платьем едва заметно вздымалась. Евнух облегчённо выдохнул и поспешил успокоить повелителя: — Не извольте гневаться, государь, господин Лин жив, он лишь лишился чувств от истощения.

Ян Тао растерянно смотрел, как слуги суетятся вокруг распростёртого тела. Горькая догадка внезапно пронзила его разум, и он потрясённо прошептал:

— Так ты просил за своих людей... потому что прощался навек? Глупец! Зачем было скрывать рану? Кому и что ты пытался доказать своим упрямством?! Неужели ты думал, что я хладнокровно позволю тебе умереть? Я спасу тебя, во что бы то ни стало... Мир за стенами дворца слишком опасен. Оправься от ран, и больше я никуда тебя не отпущу. Будешь всегда подле меня. Я ведь не виню тебя за прошлое, знаю, что во всём повинен этот негодяй Ян Е! Будь он проклят! Придёт день, и я лично предам его мучительной казни, заставив выстрадать каждый твой вздох!

Тем временем небо на востоке начало светлеть, окрашиваясь в пепельно-серые предрассветные тона. Ян Тао бессильно прислонился к каменной балюстраде. Усталость навалилась на него свинцовой тяжестью, но впереди ждал утренний приём. Ему предстояло посмотреть в глаза придворным и объявить, что мятежники подошли к самым воротам столицы.

С того самого дня, как Ян Тао провозгласили наследником престола, и до сего момента империя не знала крупных войн — разве что варвары из Сицзя и Наньцзюна изредка тревожили рубежи. Привыкший к сытой, безмятежной жизни правитель оказался совершенно не готов к затяжной междоусобице. За несколько месяцев смуты его виски густо покрыла изморозь седины.

Он медленно провёл ладонью по резным узорам беломраморных перил и коснулся навершия в виде головы каменного льва. Холод камня ледяной иглой пронзил ладонь, добравшись до самого сердца. Резные балюстрады и яшмовые ступени стояли нерушимо, вот только величие угасало на глазах. Император устремил взор вдаль, туда, где за грядой туманных гор раскинулась Хуанхэ. Огромная держава тонула в пожарищах. Родные братья шаг за шагом отбирали у него землю, уверенно и безжалостно продвигаясь к самому сердцу государства.

С губ правителя сорвался тихий, исполненный бессильной скорби вздох.

На следующий день, находясь в императорском кабинете Юйшуфан, Ян Тао получил срочную депешу от великого генерала гвардии Цзинь Вэй Мэндо. В послании говорилось, что армия Ян Си подошла к Хуанхэ и завязала бой на побережье. Благодаря предупреждению Лин Шу, государь встретил эту новость с внешним спокойствием.

— Принято, — холодно обронил он. — Разузнайте, когда полки Лян-вана наконец доберутся до Лояна. И где сейчас войска из Цзинсяна? Передайте в столичный гарнизон, пусть готовятся к осаде. Наша задача — удержать стены до подхода подкреплений.

Слушавшие его министры почтительно склонили головы и поспешили исполнять волю владыки.

Император повернулся к военному министру:

— Каково состояние нашей речной флотилии на Хуанхэ? Готовы ли они к обороне?

Министр надолго задумался. Столица империи Да Янь, величественный Лоян, покоилась в самом сердце Срединных равнин. Все основные оборонительные рубежи спешно возводились на севере для защиты от набегов Сицзя, там же, у Трёх застав, стояли лучшие полки. Хуанхэ же протекала в глубоком тылу, и нужды держать там сильный речной флот никогда не возникало. Никто и помыслить не мог, что междоусобица вспыхнет внутри государства, сделав речные рубежи уязвимой пятой.

Справившись с замешательством, министр твёрдо ответил:

— Ваш слуга уже отдал приказ усилить дозоры и стянуть к реке все имеющиеся суда. Не извольте беспокоиться, Ваше Величество.

Однако всего через три дня на стол императора легла новая депеша: правительственные войска наголову разбиты, а мятежники, наведя понтонные мосты, успешно форсировали Хуанхэ.

На сей раз самообладание окончательно оставило Ян Тао. Дрогнув, он неловким движением смахнул со стола драгоценную пиалу с чаем. В этот же миг в кабинет торопливо вбежал евнух:

— Ваше Величество! Помощник министра ритуалов Цзин Хуайюй прибыл в столицу с докладом и просит высочайшей аудиенции!

— Живее! Пусть войдёт! — порывисто велел император.

<http://bllate.org/book/19546/1998840>